

Лайлак впервые видела такое жестокое наказание и заставила себя смотреть, как эти пять человек сгорели заживо.

Она могла видеть страх в их глазах, но также и решимость. Две эмоции смешались вместе с пламенем, которое дюйм за дюймом сжигало стог сена, пока пламя не лизнуло их копыта, быстро распространяясь по их телам.

На мгновение шум толпы стих, оставив все в полнейшей тишине, поскольку они торжественно смотрели, как предатели получают свое наказание.

Сцена перед их глазами вселила в их сердца сковывающий душу страх и была слишком жестокой для этих молодых душ, чтобы смотреть. Их матерям приходилось закрывать детям глаза и отворачивать их от жестокого взгляда.

Большинство женщин-кентавров не могли смотреть, как люди, с которыми они вместе прошли сквозь горе и смерть, встретили свой конец таким образом. Они оборачивались и молча рыдали.

Некоторые женщины из толпы горожан отворачивались и хмурились, но не чувствовали никакой печали, так как считали их предателями, заслуживающими такого наказания.

Между тем охотники ничего не могли сделать, кроме как сожалеть о содеянном Хироном и Кариной, а также о трех кентаврах, которые умирали вместе с ними.

Они понимали, что предательство было высшим грехом в такой ситуации. Они не могли винить в этом Джедрека, так как это была его пара, которая находилась в плену, и все же, если бы им пришлось вспомнить еще раз; столетия назад, разве Джедрек не поступил так же с теми кентаврами?

Это было чудом, что все еще оставалось несколько женщин-кентавров, которым посчастливилось пережить это испытание и произвести на свет более молодое поколение.

Тем не менее, две ошибки не сделали правильно.

Теперь все казалось размытым, когда правильное и неправильное смешались воедино, и ничто не было достаточно справедливым для всех.

Как король, Джедрек обязан был убедиться, что правосудие восторжествует без каких-либо заминок. С другой стороны, он не мог оставить их в живых после похищения.

Кроме того, как король, если Джедрек не применит силу и не применит такого рода наказание, эти ликантропы начнут сомневаться в нем как в своем правителе, и это было опасно для него, чтобы его допрашивали его подданные.

И было общеизвестно, что большинство ликантропов склонны склоняться к характеру своего зверя, который был совершенно диким и жестоким. Они поклялись в своей верности только самому могущественному из когда-либо существовавших, и если Джедрек не проявит себя как таковым и не сможет оправдать их ожидания, дела у него пойдут не очень хорошо.

— Это действительно должно быть так? — спросила Лайлак, не сводя глаз с пятерых кентавров, которые начали стонать от боли, пытаясь освободиться от цепей, удерживавших их на месте, но безрезультатно. Боль исказила их лица, и это запечатлелось в сердце Лайлак.

«Это нужно сделать вот так», — сказал Джедрек, делая ударение на каждом слове. Он мог чувствовать тревогу и горечь Лайлак за то, что им пришлось пережить, но сейчас было неподходящее время, чтобы проявить к ним немного милосердия, а прощать их — совсем другое дело.

В это время они услышали чье-то пение среди хрюканья и рычания боли. Это была Карина, она что-то пела.

«Ибо она была его тайным сокровищем

, Она была его позором и его блаженством

, И цепь, и замок — ничто

По сравнению с женским поцелуем,

Ибо золотые руки всегда холодны

, Но женские руки теплые

, Золотые руки всегда холодны

, Но женская руки теплые

И вот он стоит с мечом в руке

Последний из Дэрри'

И красная трава под его ногами,

И красные его знамена

, И красный отблеск заходящего солнца,

Который купал его в своем свете

, Давай, давай, великий владыка по имени

Мой меч все еще голоден,

И с криком дикой ярости

Они кишели через ручей

И с воплем дикой ярости

Они ринулись через ручей

Он скакал по улицам города

Вниз со своего холма на высоте

Над ветрами и ступенями и булыжником

Он ехал на вздох женщины

Потому что она была его тайным сокровищем

Она был его позор и его блаженство

, И цепь и замок - ничто

По сравнению с женским поцелуем».

Голос Карины красиво звенел среди кентавров, сначала только она пела эту песню, но потом начал петь и Хирон, за ним последовали остальные три кентавра, а затем к ним присоединились остальные кентавры.

Это было их последнее прощание со своими собратьями-кентаврами, а также расценивалось как последняя дань уважения их вождю. Даже Зарну пришлось сжать кулаки рядом со своим телом, поскольку он не мог не подпевать им, когда они смотрели, как их тела окутывает густое

пламя, и их голоса дрожали от боли, которую им приходилось терпеть, но они продолжали петь.

Песня кентавров заставляла любого, кто ее слышит, дрожать от печали и горечи того, как ее изображал их голос.

Между тем, сидя на троне, Лайлак пришлось кусать губы, чтобы сдержать слезы, которые скапливались у нее на глазах и грозили упасть в любой момент. Она крепко сжала руку Джедрека, чтобы подавить свои эмоции, особенно когда Карина начала плакать от боли, когда Огонь уже достиг ее лица и покрыл ее ярким пламенем, которое за несколько минут обратит ее в пепел.

Боль должна быть невыносимой даже для мужчин-кентавров, поскольку они перестали петь и начали плакать от сильной боли.

Агония, которую они чувствовали, была слишком велика, и Лайлак больше не могла этого выносить. Она встала, отпустив руку Джедрека, и двигала руками в потоке, и, конечно же, пламя мгновенно погасло, когда щупальца покрыли ту часть платформы, где горели те пять кентавров.

Люди ахнули, когда увидели это, и кентавры перестали петь, когда каждая пара глаз метнулась к Лайлак.

Они думали, что она спасла их, но, присмотревшись, они поняли, что это не было ее намерением.

<http://tl.rulate.ru/book/57853/2264906>